

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ПОРСИН А.А. ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ КОНЦА XIII –
НАЧАЛА XIV ВЕКА В ТРУДЕ РУКН АД-ДИНА БЕЙБАРСА
АЛ-МАНСУРИ «ЗУБДАТ АЛ-ФИКРА»**

Д.М. Тимохин¹, В.В. Тишин²

¹ *ФГБУН Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
horezm83@mail.ru*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru*

Цель исследования: опубликованная в 2018 г. монография А.А. Порсина «История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури “Зубдат ал-Фикра”» касается не только проблем истории Золотой Орды, но также затрагивает ряд ключевых вопросов для истории Дешт-и Кыпчака и Хорезма в период, предшествующий монгольскому завоеванию. Именно на этих моментах сконцентрировано внимание авторов настоящей рецензии. Значительное внимание в рецензии уделено исторической реконструкции, предпринятой А.А. Порсиным в отношении как отдельных тюркских племенных образований на хорезмийской службе, так и межплеменного конфликта, который с его точки зрения, существовал в Хорезме накануне и во время монгольского нашествия. Авторы данной рецензии не только не могут согласиться с выводами автора книги по целому ряду вопросов, но и видят данный раздел монографии «История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури “Зубдат ал-Фикра”» уязвимым для критики, прежде всего с точки зрения методологии исследования.

Материалы исследования: в ходе работы авторы стремились привлечь максимальное число доступных письменных источников, которые позволили провести критический анализ реконструкции, созданной А.А. Порсиным. Прежде всего, это сочинения арабо-персидских авторов, использованных самим автором монографии (ан-Насави, Джувейни, Джузджани, Рашид ад-Дин), а также целый ряд памятников более поздней арабо-персидской историографии. Кроме того, были привлечены лингвистические данные, представленные материалами тюркских и монгольских языков.

Результаты исследования и научная новизна: на основе нескольких наиболее ярких, по мнению авторов рецензии, примеров, ими сформулировано основное замечание к способу построения аргументации автора монографии: в ее основе лежит обычная логика, при недостаточной проработке источникового материала, а вся концепция целиком состоит из цепочки вытекающих друг из друга гипотез и догадок. В результате проведенного анализа соответствующего раздела монографии А.А. Порсина «История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури “Зубдат ал-Фикра”», по мнению авторов, им удалось доказать искусственность и в целом надуманность всей картины межплеменных взаимоотношений внутри Хорезмийской державы накануне монгольского нашествия. Выдвинутые автором гипотезы относительно происхождения Теркен-хатун и целого ряда исторических персоналий, связанных с историей Хорезма, при ближайшем рассмотрении

рении оказались малоубедительными, либо вовсе ошибочными. В целом, данный раздел монографии А.А. Порсина нельзя признать удачным.

Ключевые слова: историография, арабо-персидские источники, Хорезм, тюркские племена, Теркен-хатун, кыпчаки

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. Рецензия на книгу: Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 391–410. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.391-410

**BOOK REVIEW: PORSIN A.A. THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE
AT THE END OF THE THIRTEENTH AND BEGINNING
OF THE FOURTEENTH CENTURY IN THE “ZUBDAT AL-FIKRA”
BY RUKN AL-DIN BEIBARS AL-MANSURI**

D.M. Timokhin¹, V.V. Tishin²

*¹Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
horezm83@mail.ru*

*²Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation
tihij-511@mail.ru*

Abstract. *Research objectives:* A.A. Porsin’s monograph “The History of the Golden Horde at the end of the thirteenth and beginning of the fourteenth century in the ‘Zubdat al-Fikra’ by Rukn al-Din Beibars al-Mansuri” not only concerns the problems of the Golden Horde’s history, but also a set of important issues of the history of Dašt-i Qipčaq and Khwarazm during the pre-Mongol period. This review focuses specifically on these aspects of the book, primarily on the historical reconstruction undertaken by A.A. Porsin regarding both several Turkic tribal groups in the service in Khwarazm and the intertribal conflict that, from his point of view, took place in Khwarazm before and during the Mongol invasion. The authors of the review cannot agree with the Porsin’s conclusions regarding several issues and consider this section vulnerable to criticism, primarily in terms of research methodology.

Research materials: The authors of this review sought to use the maximum number of available written source which allowed for a critical analysis of the reconstruction created by A.A. Porsin. Firstly, these are the works of Arabic and Persian authors used by the author of the monograph himself (al-Nasavi, Juwayni, Juzjani, Rashid al-Din), as well as a number of monuments of later Arab-Persian historiography. In addition, they used the linguistic data of the Turkic and Mongolian languages.

Research results and novelty: Based on several of the most striking examples, the authors of the review criticized Porsin’s argument for the monograph: Porsin pays insufficient attention to the analysis of sources and the logic of his argument, like the whole concept, consists of a chain of hypotheses and conjectures arising from each other. The authors of the review managed to prove, in their opinion, the artificiality and, in general, the far-fetched nature of the whole picture of tribal relations within the Khwarazmian state on the eve of the

Mongol invasion which Porsin reconstructed. A detailed analysis of Porsin's argument regarding the origin of Terken Khatun and a number of historical personalities associated with the history of Khwarazm shows the weakness or even fallacy of his hypotheses. In general, we cannot recognize this section of the monograph as having been successful.

Keywords: historiography, Arabic and Persian sources, Khwarazm, Turkic tribes, Terken Khatun, Kipchaks

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. Book Review: Porsin A.A. The History of the Golden Horde at the end of the thirteenth and beginning of the fourteenth century in the "Zubdat al-Fikra" by Rukn al-Din Beibars al-Mansuri. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 391–410. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.391-410

В условиях активизации в последние десятилетия в России изучения истории Золотой Орды и последующего периода тюрко-татарских ханств XV–XVIII вв., не в последнюю очередь благодаря «Центру исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова» Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ведущего организованную и продуктивную деятельность во всех направлениях в рамках соответствующей проблематики, появление новых работ монографического характера заочно приковывает к себе значительное внимание. Огромное значение тематики, связанной с историей Золотой Орды, обусловлено не только научными причинами, для России – это в известной степени еще и часть политического дискурса. В том числе и поэтому следует ожидать, что книги по истории Золотой Орды должны находить интерес среди широкого круга читателей, отнюдь не ограниченного научным сообществом.

Тем не менее, исходя из названия книги А.А. Порсина «История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури "Зубдат ал-Фикра"» [8], она должна быть рассчитана, прежде всего, на узкий круг специалистов, поскольку предполагает источниковедческий характер работы. По словам самого автора, целью работы является «попытка реконструкции содержания сообщения информатора Бейбарса» [8, с. 8], а в качестве одной из задач, в первой главе – «реконструировать изначальный текст сообщения» [8, с. 9]. Однако эти формулировки заочно делают работу уязвимой для критики. Они предполагают именно источниковедческий характер исследования, притом, исходя из постановки цели, исследования такого типа, где не просто требуется постоянное обращение к оригинальному тексту источника, в любом из возможных вариантов – в адаптированном ли виде или же к литографии памятника, – а именно работа с различными рукописями: автор должен был выявить количество списков исследуемого сочинения, проработать их (по крайней мере, доступные), сопоставить между собой, отметив разночтения, установив пути трансформации текста, влияние субъективных факторов, связанных с обстоятельствами создания списков и т.д. Однако, этого нет и, в целом, А.А. Порсин работает, преимущественно, с переводами текста, в связи с этим вполне закономерны вопросы относительно формулировки цели исследования и методологии, используемой автором. Справедливости ради, нужно отметить, что ряд замечаний был высказан автору задолго до выхода самой работы.

Нужно отдать должное автору, который сам признает тот факт, что «данная работа не может хоть в какой-то мере считаться полным источниковедческим исследованием памятника» [8, с. 10]. Сам он не ограничивается интерпретацией зафиксированных в источнике фактов, а стремится извлечь из источника гораздо больше, выходя широко за пределы конкретно-исторического контекста, вокруг которого строится повествование источника. Как отмечает А.А. Порсин, сделанные им выводы «могут рассматриваться лишь как самые общие соображения на этот счет. Тем не менее, на наш взгляд, их необходимо сформулировать, пусть и на уровне гипотез» [8, с. 10–11]. При другом подходе к проблеме и, соответственно, другой структуре работы, речь могла бы идти о пространных комментариях, подобно тем, какие мастерски писал великий французский ориенталист П. Пельо. Ясно, что подобная работа, какой должна выглядеть книга А.А. Порсина, пусть и при иной структуре, всегда налагает на автора большую ответственность, тем более, что само исследование связано с востоковедной тематикой.

Еще академик В.В. Бартольд, выступавший за необходимость наличия у исследователей не только исторической, но и филологической подготовки, в свое время сформулировал следующее положение: «Под научной подготовкой, филологической и исторической, я понимаю то же самое, что и все прочие, т.е. известный запас фактических знаний (независимо от изучения литературы предмета в тесном смысле), знакомство с главными научными методами и умение применять их, т.е. прежде всего для филолога – не делать лингвистических сближений без знания языков, на основании простого звукового сходства (или, по крайней мере, не считать этих сближений несомненной истиной, а для историка – не противопоставлять устарелых теорий известиям первоисточников и в своем изложении везде строго отличать подлинные свидетельства источников от своих и чужих дополнений и комментариев к ним» [2, с. 340].

Между тем, значительная часть заключений А.А. Порсина основывается преимущественно на логических догадках. Часто он формулирует лишь одно из возможных решений того или иного вопроса как основное, а далее основывается на нем не как на гипотезе, а как на устоявшемся факте. Если к этому свойству работы самому по себе можно было бы отнестись достаточно толерантно, то совершенно невозможно пройти мимо того обстоятельства, что многие построения автора, притом имеющие концептуальный для работы характер, проистекают из достаточно неоднозначного подхода даже не к филологическим, а именно к лингвистическим вопросам. Как писал не раз предостерегавший исследователей от подобных приемов [4, с. 240] тот же В.В. Бартольд: «Знание языков необходимо, конечно, прежде всего, для филологических соображений и теорий; между тем все авторы-неориенталисты, писавшие о тюрках, от Риттера до г-на Каёна включительно, за отсутствием точных исторических данных сближали между собой различные народы на основании звукового (обыкновенно случайного) сходства в их названиях и других собственных именах» [3, с. 267]. С тех пор, к сожалению, мало что изменилось. В частности, авторам настоящей работы также уже приходилось обращать внимание на подобные приемы коллег, которые отнюдь не способ-

ствуют продвижению вперед решения тех или иных вопросов, а способны лишь запутать неподготовленного читателя [11, с. 213–214].

В качестве показательного примера специфического обращения с историческим источником можно привести следующий сюжет из монографии А.А. Порсина. Опираясь на выполненный В.Г. Тизенгаузен перевод фрагмента сочинения Бейбарса, автор обращает внимание на имена «Байтара, Баймеликтемир, Байтуктемир, Байгурактаджи». Разобравшись с составным характером последнего, подразумевающего наличие двух имен, «достаточно известных в тюрко-монгольском мире – Байгур и Актаджи», автор замечает, будто «тот факт, что все четыре имени начинаются на “бай” не выглядит случайным»¹, при этом «имена Байтары (Байтура) и Байгура... являются распространенными тюркскими именами». В последнем случае было бы неплохо, если бы автор привел в доказательство сравнительный материал, где еще мы могли бы встретить «достаточно известные» и «распространенные» имена, а также все-таки разобрался бы, как правильнее – Байтара или Байтура. Однако интереснее то, что, по мнению автора, приставка «бай» здесь является отражением «способа групповой (по всей видимости, родовой или племенной) идентификации». Пытаясь объяснить очередность расположения имен, автор в итоге утверждает, будто «можно сделать вывод о том, что автор источника явно выделял племенную группу золотоордынской элиты, часть имен представителей которой начиналась на “бай”, что, по всей видимости, было связано с названием самой группы» [8, с. 28–29].

При этом А.А. Порсин оговаривается, «что в тексте, опубликованном Д.С. Ричардсом, указанная группа отсутствует... <...> Однако очевидно, что их отсутствие является результатом неполноты списка Д.С. Ричардса. В нем отсутствуют семь фигур из списка, приводимого В.Г. Тизенгаузен... <...> Список, приведенный в издании Д.С. Ричардса дефектен, поэтому при анализе текста предпочтение мы будем отдавать варианту В.Г. Тизенгаузена» [8, с. 28]. У А.А. Порсина нигде не говорится о том, что это за списки, какой из них лег в основу использованных им изданий, и почему следует отдавать предпочтение тому или иному, хотя и у В.Г. Тизенгаузена, и в работах Д.С. Ричардса, на которые А.А. Порсин ссылается, этим вопросам уделено достаточно много внимания, тем более что Д.С. Ричардс издание В.Г. Тизенгаузена учел. Впрочем, для любого историка, даже не источниковеда, признание того или иного варианта источника дефектным или неполным возможно лишь после кропотливой работы по сличению оригинального текста всех имеющихся списков. Как минимум, для подобного рода заключения А.А. Порсину следовало бы сличить хотя бы те списки текста, которые использовали В.Г. Тизенгаузен и Д.С. Ричардс, а делать подобные выводы на основании лишь перевода текста – нонсенс. Таким образом, ориентируясь на перевод В.Г. Тизенгаузена, А.А. Порсин строит гипотезу об этимологизации нескольких имен, и, хотя это чисто умозрительное соображение, именно оно в дальнейшем определяет всю логику рассуждений автора, направленную на различные изыскания вокруг «загадочной аристократической группы, имена представителей которой начинаются на “бай”» [8, с. 156].

¹ Сохранена пунктуация автора.

Здесь можно указать на дискуссионную мысль относительно «перехода» имени «Яйлаг» в «Байлак», еще при наличии формы «Йаблак» [8, с. 196–197], с учетом того, что в арабской графике проблемы будут не только с начальной буквой, поскольку *йай* и *ба* различаются в написании лишь одной точкой, но и в истолковании реального фонемного значения конечной графемы каф (*qāf*, перс. *гаф*), которая могла использоваться для обозначения обоих задних велярных – как глухого /q/, так и звонкого /ɣ/. Следует учесть, что морфемы *+lay* и *+laq*, даже если их рассматривать как фонетические варианты соответствующих *+lXG* и *+lIK*, – это совершенно разные аффиксы, хотя из-за близости функций и проблем с орфографией, действительно, в некоторых контекстах они часто могут быть спутаны [14, р. 121–131]. Однако в случае с *jajlay* речь идет об образовании *jaj+la-γ*, т.е. от именной основы *jaj* при помощи составного аффикса *+lAG < +lA- + -(X)G*, со значением места [14, р. 108–109]. Между тем, в рукописях, как у Бейбарса, так и у Рашид ад-Дина, это имя значит именно с каф на конце *بيلاق* [yuylâq] [24, р. 73, note 3, р. 75, note 1; 26, s. ٦٦١]. Интерес вызывает тот факт, что Георгий Пахимер называет мать сына Ногая, Чеке (Τζακᾶς), именем Алакке (Αλάκκη), и это вполне может быть сопоставлено с формой **jajlaq* [24, р. 79; 20, р. 51–53]. Если это сопоставление принимается, то все построения вокруг формы **bajlaq* рушатся.

Другой пример недостаточной аргументированности доводов А.А. Порсина всплывает в том месте, где он задается вопросом: «Но является ли совпадением явная схожесть имен Байалун и ее брата Бай-Тимура?», отвечая: «По всей видимости, нет» [8, с. 157]. К сожалению, «вся видимость» ограничена исключительно субъективными соображениями самого А.А. Порсина. Аргументацию он строит следующим образом: «П. Пелью безусловно прав, “Байалун” – это распространенное монгольское женское имя. Однако схожесть имен брата и сестры, аналогичная схожести имен в группе из списка, дает основание предположить, что ее имя монголизировано, сохранив при этом изначальные черты, подчеркивающие общность происхождения» [8, с. 157].

Однако, если автор признает вслед за П. Пелью, что форма имени *bajalun* связана с именем *bajan*, вопрос о его этимологической природе должен быть снят сам собой, будучи разобран французским ориенталистом. Речь может идти об образовании женского имени от исходной формы **bajar*, как у П. Пелью, так и *bajan* при помощи соответствующего суффикса *+lUn* (ср.: [25, р. 43]). Имя *bajan*, в свою очередь, достоверно фиксируемое в среднемонгольскую эпоху, относится к той категории имен, которые «related to physiological or psychological features of a given person», при этом, «for the most part, they indicate characteristics like good fortune, good behaviour, and so forth» [28, р. 335].

Вообще, если бы А.А. Порсин обратился к специальной литературе по тюркской ономастике, он мог бы ознакомиться с точкой зрения, согласно которой элемент *baj* в сложносоставных именах, когда он стоит первым, играл роль определенного эпитета, хотя само его происхождение, видимо, связано с соответствующими функциями маркировки его носителя, исходя из исторических и социальных реалий [13, р. 358]. Столь же верно полагать, что в последующем этот элемент утрачивает свое функциональное значение, вы-

ступая лишь как эпитет [27, р. 200]. Отдельно нужно говорить о появлении элемента *baj* в составе этнонимов [22, р. 355. о. (név- és tárgymutató)].

Этот факт заслуживает внимания потому, что именно в поисках корней «загадочной аристократической группы», А.А. Порсин обращается к более ранней эпохе. Этим изысканиям посвящен второй раздел второй главы под названием «Золотоордынские баяты-баяуты» [8, с. 177–200].

Ссылаясь на авторов, обнаруживших на древнерусском материале обычай наречения ребенка родовым именем, А.А. Порсин утверждает, что «кажется, вполне правомерно допустить, что в рамках традиционного мировоззрения тюркских и монгольских кочевников вопрос родового имени рассматривался с близких позиций» [8, с. 177]. Иными словами, автор не предпринял попыток по поиску специальной литературы, где можно было почитать о практике наречения имен у тюркских народов, и просто экстраполировал древнерусские реалии на тюркскую культуру.

Об этой самой «группе “бай”» А.А. Порсин считает возможным сказать, что, «судя по именам, это были тюрки в самом широком понимании этого термина» [8, с. 177], видимо, имея в виду лингвистическое значение термина тюрк. При этом, «исключением является имя Байалун», но здесь, «скорее всего, мы имеем дело с сознательной монголизацией тюркского антропонима». Неясно, почему человек не может носить имя, имеющее происхождение в другой языковой среде? Следуя такой логике, самого автора следовало бы считать греком, а данную рецензию – продуктом греко-славянского сотрудничества.

Базируясь, прежде всего, на имени Байалун, разобранным нами выше, А.А. Порсин указывает также, что «эта группа была настолько влиятельна, что ее представительница сначала стала женой одного из членов “золотого рода”, входившего в правящую коалицию, то есть Тогрулджи, а затем привела к власти его сына Узбека и стала женой золотоордынского хана» [8, с. 177].

Исходя из довода, что «группа “бай” была как-то связана с Хорезмом», поскольку «наместником Хорезма и Ургенча был брат Байалун, Бай-Тимур», А.А. Порсин переходит к рассмотрению истории «племенной группы, сыгравшей одну из ключевых ролей в поздней истории Хорезмийской державы – баяты или баяуты» [8, с. 177]. Автор справедливо отмечает, что «на настоящий момент нет оснований уверенно говорить о связи между баяутами ан-Насави и монгольским племенем баяут» [8, с. 179], однако, предпочитает именовать связанную с Хорезмом племенную группировку баят, «чтобы избежать путаницы». Но как раз путаница и возникает. Само употребление соответствующих орфографических вариантов форм должно быть четко разграничено. Мало того, что вопрос об этимологизации каждой из форм *bajat*, *bajawut* и *bajayut* / *baja'ut*, как и, соответственно, вопрос об их соотношении чрезвычайно дискуссионен [12] (см. теперь: [10, с. 105–111]), нет совершенно никаких оснований объединять с этими этнонимами личные имена, образованные, к тому же, совершенно различными способами. В случае с указанными этнонимами элемент *baj*- выступает в составе основы, к которой присоединяются соответствующие аффиксы, в то время как в тюркских составных именах элемент *baj*, как говорилось выше, выступает эпитетом по отно-

шению к другому элементу, как правило, так же представленным именной формой, использующейся и как самостоятельная лексема.

Пренебрегая этими моментами, в равной степени можно было бы привлечь любые данные из тюркской ономастики и этнонимии, связанные с элементом *baj*, как, например, этнонимы *bajarqu* / *bajırqu*, *bajandur* / *bajundur* / *bajındır*, что, несомненно, гораздо более удревнило бы историю «загадочной аристократической группы», а концепцию автора сделало бы более изощренной. Это приблизительно то же самое, что взять славянские имена Владимир и Владислав (даже еще «лучше» – Владилен!) и сопоставить их с названиями городов типа Владикавказ или Владивосток.

Чтобы быть убедительными в своих доводах, мы рассмотрим именно этот раздел, подробно остановившись на моментах, своеобразно интерпретируя которые, А.А. Порсин строит свою аргументацию.

Начало раздела «Золотоордынские баяты-баяуты» автор начинает вполне предсказуемо с решения вопроса о племенной принадлежности Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, в арабо-персидских исторических сочинениях. Собственно для раздела о «группе “бай”», с точки зрения автора, невозможно обойтись без анализа сообщения персидского историка ан-Насави о происхождении Теркен-хатун, где последний пишет: она «была из племени Баят, а это одна из ветвей [племени] Емек» [7, с. 87], (زنى بود از قبيلهء بياوت فرعى از فروغ يمك) [21, р. 58]. Как видно из персидского издания данного исторического текста, формально более правильное чтение данного названия вообще биавут, однако делать более далеко идущие выводы без обращения к литографии или тексту рукописи было слишком преждевременно. Между тем, в качестве иной точки зрения на происхождение Теркен-хатун в исторических источниках А.А. Порсин приводит мнение другого персидского историка Джувейни, который указывает, что она происходила из племени канглы [18, vol. 2, р. 465; 6, с. 330], а в другом – из племени *يوران* [ywr'n] (см. о нем ниже), и последнее утверждение повторяет поздний Мирхонд [15, р. 23, note 78]. Именно это противоречие в племенном происхождении Теркен-хатун А.А. Порсин пытается разрешить в рамках указанного раздела [8, с. 178–184].

Первое, что бросается в глаза в данном случае – отсутствие упоминания о существующей в исторических источниках третьей точке зрения по данному вопросу, а именно – о сообщении Джузджани, чей труд был написан синхронно сочинению Джувейни. Там отмечается, что Теркен-хатун была дочерью хана кыпчаков Акрана или Ыкрана (*Yqrān*) [29, vol. 1, р. 254]. Эта версия рассматривается автором далее и отдельно от первых двух [8, с. 194–195]. Причина, по которой эта точка зрения разбирается автором отдельно и с гораздо меньшим вниманием, связана с «неточностями» и «противоречиями» этого рассказа Джузджани, в связи с чем А.А. Порсину «кажется целесообразным отдать предпочтение данным свидетеля событий ан-Насави и крайне информированного Джувейни» [8, с. 195]. На рассмотрении одного из таких «противоречий» в тексте Джувейни, на которое указывает А.А. Порсин, можно остановиться подробнее в качестве примера. «Сначала отцом Теркен-хатун (в тексте его имя не называется) назван Акран (Икран) хан Кыпчака [Tabakat-i-Nasiri, 1881a, р. 240]. Однако, далее ее отец именуется Кадыр-

ханом из Кыпчака [Tabakat-i-Nasiri, 1881a, p. 1097]» [8, с. 195]. Речь идет о событиях 1181 г., когда к хорезмшаху Ала ад-Дину Текишу с выражением покорности от подошедшего к Дженду кыпчакского хана Алп Кара *Урана (?) / Эврэна (?) / *Узана (?) (اوران [ʿwrʿn] или اوزان [ʿwzʿn]) был послан его сын Кыран (قيران [qīrān], ркп. вар.: فيران [fīrān]), с многочисленной свитой «сыновей беков племени йугур» (يوغور زادغان [ywgwɾ zādāgān]) и он был почтен родством [19, p. 233–234, dipnot 22; 1, с. 214–215]. Однако никакого противоречия, о котором пишет А.А. Порсин, не наблюдается при близком знакомстве с текстом: с определенной долей вероятности Кыран может быть отождествлен с ханом Ыкраном (или Акраном), упомянутым у Джузджани в качестве отца Теркен-хатун, что допустимо при коррекции прочтений имен قيران [qīrān] и اقران [ʿqrān], коим именуется у Джузджани отец жены Ала ад-Дина Текиша [19, p. 234–235; 1, с. 216].

Как видно из этого небольшого примера, противоречия в тексте Джузджани на проверку таковыми могут и не быть, да и само по себе их наличие в источнике не может быть убедительным доказательством того, что версия этого персидского историка не должна быть принята во внимание. Ответ на вопрос, по какой причине противоречивость сообщений того же Джувеини, на которых, правда, А.А. Порсин останавливается [8, с. 180], и того же ан-Насави, о которых он не упоминает (мы о них скажем ниже), позволяют автору относиться к ним с доверием в отличие от сведений Джузджани, также весьма прост. Сообщения первых двух позволяют автору «с одной стороны определить кыпчаков и йемеков-канглов, как самостоятельные этнополитические группы, а с другой стороны соотнести Теркен-хатун с последними» [8, с. 195]. Использование в качестве основных источников ан-Насави и Джувеини, таким образом, дает основания автору выстроить картину межплеменного конфликта внутри Хорезмийской державы накануне монгольского нашествия [8, с. 195], причина которого кроется именно в межплеменных противоречиях [8, с. 189]. Интерпретация подобных событий у Джузджани таких возможностей автору не дает, в связи с чем, а также и с указанными «противоречиями», точка зрения данного историка не принимается всерьез. Однако при внимательном прочтении рассматриваемого раздела монографии А.А. Порсина становится очевидно, что за недоверием к тексту Джузджани кроются и другие подводные камни.

Сопоставляя сообщения ан-Насави о происхождении Теркен-хатун и сведения о том же у Джувеини, А.А. Порсин выстраивает следующую схему соотношения встреченных в исторических источниках этнонимов – от общего к более частному: «тюрки-йемеки-баяты» у ан-Насави и «тюрки-канглы-ораны» у Джувеини [8, с. 181]. Из этого следует такой вывод: «Йемеки и канглы характеризуются как большое кочевое объединение, состоящее из многих племен, с которыми имели дело хорезмшахи. Наличие сразу двух подобных сообществ, одно из которых было незамеченным либо ан-Насави, либо Джувеини, крайне маловероятно. Можно предположить, что речь идет об одном и том же объединении. Ан-Насави определял его по названию лидирующего в нем крупного племени: “к нему примкнули племена Йемек и соседние с ними из тюрок”. Джувеини же использовал уже вошедший в употребление этноним, первоначально характеризовавший их географическую локализацию – жители земли Кангхи, то есть канглы» [8, с. 180].

Безусловно, для столь далеко идущих заключений, описания Джузджани, с его привязкой происхождения Теркен-хатун к кыпчакам, крайне неудобны, а, кроме того, для обоснования подобного рода выводов необходимо проанализировать, прежде всего, особенности употребления наименований канглы и йемек не только на уровне используемых автором памятников, но и проследить трансформацию их содержания в арабо-персидских источниках, чего, разумеется, в монографии сделано не было. Еще менее убедительным выглядят анализ соотношения понятий «баят» и «оран», которые в монографии А.А. Порсина предстают в качестве названий тюркских племенных групп, первая из которых сохраняла верность династии Ануштегинидов и составляла часть военной и политической элиты данного государства, а вторая отличалась откровенным сепаратизмом по отношению к правящей династии в домонгольский период и во время монгольского нашествия [8, с. 182–185]². Автор приводит два примера выступлений «оранов» против хорезмшахов Ала ад-Дина Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада, сведения о которых он черпает в трудах Джувейни, прежде всего, и более позднего Хамдаллаха Казвини. Здесь стоит отметить, что А.А. Порсину, с нашей точки зрения, гораздо важнее было бы разобраться не со временем покушения «оранов» на жизнь Ала ад-Дина Мухаммада, а с тем фактом, что о подобном событии нет сведений в более ранних источниках. Однако сам автор, понимая уязвимость в данном случае опоры на сведения Джувейни, пытается найти хоть какие-то подтверждения этому у более раннего ан-Насави, и при отсутствии прямых указаний, пытается опереться на косвенные сведения и собственную «реконструкцию событий». Так, в частности, убийство по приказу Теркен-хатун заложников в Гургандже есть прямое следствие попытки покушения «оранов» на жизнь ее сына, доказательством чему служит тот факт, что среди заложников были убиты два сына правителя Сыгнака. А ведь именно против правителя этого города совершил свой неудачный поход Ала ад-Дин Текиш, когда в его войске возник бунт тех самых «оранов», согласно Джувейни. Примерно так выглядит доказательная база в работе А.А. Порсина, при попытке решить противоречие между сообщением Джувейни и отсутствием каких-либо сведений у ан-Насави [8, с. 184–185].

Все это не снимает, как мы видим, два ключевых вопроса: почему у «хорошо осведомленного» ан-Насави нет ни слова о покушении на жизнь Ала ад-Дина Мухаммада и почему участие в этом покушении «оранов» фиксируется лишь у Джувейни и его продолжателей, Рашид ад-Дина и Хамдаллаха Казвини, а у пишущего об этом событии Джузджани нет упоминаний об этой племенной группе [29, р. 275–276]? Наконец, не совсем понятно, как подобные логические построения могут решить вопрос в пользу более позднего источника, при отсутствии сведений в более раннем: в конце концов, помимо заложников-«оранов» по приказу Теркен-хатун были убиты и другие аманаты, что ставит под сомнения факт мести конкретно «оранам» за их измену. Кроме того, прекрасно осведомленный относительно правления хорезмшахов ан-Насави и, к тому же, формирующий в своем труде негативный образ Тер-

² Нам уже приходилось отмечать установленный еще Хасаном Эрэном факт, что никаких «оранов» или «уранов» не существовало, а написание اوران [’wraŋ] должен дать прочтение evrān, что соответствует тюркскому ‘змея’ (см. теперь: [12, с. 214]).

кен-хатун не мог не знать причины казни заложников, а его неосведомленность о самом факте покушения скорее ставит под сомнение сообщение Джувейни, чем требует столь умозрительных доказательств с целью связать воедино информацию двух этих памятников.

В целом же, сам указанный раздел монографии удивляет странным подходом к историческим источникам. Помимо умозрительности некоторых попыток связать информацию из более поздних памятников с отсутствием сведений в более ранних, можно отметить и еще несколько сюжетов.

Так, например, формируя дальнейшую «историю баятов» в составе улуса Джучи после гибели Хорезмийской державы, А.А. Порсин пытается отождествить дочь Ала ад-Дина Мухаммада, Хан-султан, с матерью золотоордынского правителя Берке, Султан-хатун, чье происхождение автор связывает все с теми же «баятами» [8, с. 186–187]. Сложно понять, как на основании сведений ан-Насави о том, что Хан-Султан попала в плен к монголам и досталась Джучи, а также на якобы имевшем место быть ее послании к Джалал ад-Дину Манкбурны, упоминании Джузджани о мусульманской кормилице Берке можно сделать вывод – «соотношение Хан-Султан и Султан-хатун кажется вполне обоснованным и подтвержденным источниками» [8, с. 186]. Несмотря на то, что этой позиции придерживается достаточно значительное число весьма крупных исследователей, так или иначе касавшихся проблем биографии Берке (ссылки приведены в работе А.А. Порсина), нужно признать, что достаточных оснований для нее нет. Даже упоминание в гораздо более позднем «Му‘изз ал-ансаб» Султан-Хатун в качестве матери трех сыновей Джучи вряд ли позволят сделать столь категоричный вывод о ее тождестве с Хан-Султан с учетом молчания большинства более ранних памятников. Кроме того, здесь, как и в случае с элементом *baj*, А.А. Порсин совершенно не стремится углубиться в вопросы, касающиеся принципов тюркской ономастики. Расположение лексемы султан в качестве первого элемента в одном случае, и в качестве второго в другом, имеет свою обусловленность, как и наличие элементов хан и хатун, что не одно и то же. Отождествление двух имен является совершенно мнимым и безосновательным даже с формальной точки зрения.

Попытка же А.А. Порсина вслед за П. Пельо, который, впрочем, выдвинул лишь предположение, увидеть в племени иман, к которому, как пишет автор «Му‘изз ал-ансаб», принадлежала Султан-хатун, племя йемек, покажется, по меньшей мере, странной с учетом написания обоих терминов – соответственно *ایمن* и *ایمک*. Можно представить, что переписчик текста перепутал конечный нун с кяфом, однако это больше похоже на сознательное искажение, чем на простую опisku, и это вне зависимости от того, известно ли племя иман в других источниках или нет. Опять же не следует забывать, что у французского исследователя подобный сюжет является лишь очень осторожным предположением, в то время как для А.А. Порсина – важная часть логических построений в рамках рассматриваемого раздела монографии.

Еще одной характерной чертой работы автора с историческими источниками в данном разделе монографии выступает очевидное стремление доверять историческим памятникам, даже если приведенная в них информация нигде более не подтверждается. Самый яркий пример – упоминание о послании Хан-Султан к Джалал ад-Дину Манкбурны, которое А.А. Порсин, судя по тексту монографии, считает бесспорным фактом. Однако ни отсутствие

сведений о подобном в других текстах, ни фантастическое содержание самого послания, приведенное ан-Насави, не являются для автора монографии препятствием для доверия к его сочинению. «К хакану дошло известие о твоей силе, о твоём могуществе и об обширности твоих владений. Поэтому он решил с тобой породниться и договориться о том, чтобы владения ваши были разграничены рекой Джейхун: тебе все, что до реки, а ему все, что за рекой» [7, с. 232]. Простое представление об историческом контексте событий, во время которых, согласно ан-Насави, хорезмшах получил это письмо, ставят под сомнение сам факт существования послания или же того, что оно могло быть адресовано ему его сестрой. О каком разделе территорий могла идти речь в 1229/1230-м году, когда хорезмшах уже разбил монгольские отряды под Исфаханом в 1227 году? О каком разделе по «реке Джейхун» могла идти речь, когда даже восточная часть Ирана не контролировалась Джалал ад-Дином Манкбурны? И, наконец, о каком разделе по «реке Джейхун» могла идти речь, если территории по обе стороны этой реки были разорены монгольским нашествием 1219–1221 гг. и не могли представлять интереса для хорезмшаха, ни политического, ни экономического?

При этом, в то время как важные для исследования А.А. Порсина сочинения Джувейни и Джузджани подвергаются им критике из-за неточностей и противоречий, то труд ан-Насави счастливо этого избежал. Возможно, двойные датировки и вообще часто встречающаяся путаница с датами в тексте ан-Насави не кажутся автору столь существенным фактом [7, с. 52, 181, 185; 23, s. 14], который может заставить критически взглянуть на данный памятник, однако, противоречивость сведений у данного персидского историка выглядит весьма очевидной. Для того, чтобы лучше проиллюстрировать противоречия у ан-Насави, обратимся к той части интересующего нас раздела монографии, где А.А. Порсин пишет о происхождении матери Джалал ад-Дина Манкбурны – Ай-Чичек. Установить племенную принадлежность последней не представляется возможным хотя бы по той причине, что ни один известный исторический источник об этом ничего не говорит. Несмотря на полное отсутствие сведений относительно матери последнего хорезмшаха, исследователи, как видно из примера З.М. Буниятова, не сомневаются в том, что она принадлежала к другому племени, нежели Теркен-хатун³. При этом, вслед за З.М. Буниятовым, А.А. Порсин видит в конфликте Теркен-хатун и Ай-Чичек противостояние разных племенных объединений, во главе которых стояли упомянутые женщины [8, с. 194]. Однако если автор «Государства хорезмшахов-Ануштегинидов» не стал соотносить Ай-Чичек с конкретным племенем в виду отсутствия прямых доказательств, то автор рассматриваемого исследования пошел дальше. Так, А.А. Порсин пишет, что «вполне возможно Ай-Чичек была представительницей кыпчаков, и именно они составляли ядро группировки, поддерживавшей ее сына» [8, с. 192–193], а в качестве доказательства этого указывает на сведения Джувейни относительно поддержки Джалал ад-Дина со стороны кыпчаков [8, с. 192]. Отчего это должно убедить в том, что Ай-Чичек принадлежала к кыпчакам, с учетом того, что

³ У известного исследователя Хорезма точка зрения по данному вопросу сформулирована весьма туманно и племенная принадлежность Ай-Чичек напрямую не указывается [5, с. 129].

данные Джувейни касаются событий, произошедших вне пределов Хорезма и уже после монгольского нашествия? И вот здесь было бы хорошо вспомнить о труде ан-Насави, где он достаточно четко описывает происхождение Теркен-хатун, на основании чего, во многом, А.А. Порсин создает собственные реконструкции. В этом же самом памятнике мы видим следующий фрагмент: «Кыпчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [7, с. 220]. Однако это сообщение ан-Насави, казалось бы, должно обратить внимание на то, что персидский историк с одной стороны указывает на то, что у хорезмшахов рождались дети только от «дочерей кыпчакских владык», а с другой стороны – мать Ала ад-Дина Мухаммада «была из племени Баят, а это одна из ветвей [племени] Емек» [7, с. 87]. Здесь либо необходимо признать спорным обобщение ан-Насави, и тогда происхождение Ай-Чичек опять становится неясным, либо признать, что не все в порядке с происхождением самой Теркен-хатун. Однако в случае с реконструкцией А.А. Порсина эта проблема осталась вне пристального внимания автора, что, вкупе с указанными выше замечаниями, формирует картину того, что информация из источников не формирует реконструкцию событий прошлого, а подгоняется под уже имеющуюся теорию. При этом справедливое замечание относительно труда ан-Насави, как своего рода «панегирика» Джалал ад-Дину Манкбурны, при попытке дать ответ на вопрос о происхождении Ай-Чичек в той же работе А.А. Порсина, с нашей точки зрения, не получило логичного продолжения [8, с. 193].

В целом, следует признать, что указанное выше противоречие в тексте ан-Насави должно было бы быть основательно разобрано автором монографии, поскольку в таком случае стремление видеть межплеменной конфликт между «баятами-йемеками (канглы)» и кыпчаками теряет свое основание. Попробуем сами разобраться в указанном противоречии, напомнив еще раз, что сочинение ан-Насави составлено в соответствии с литературным жанром сира, а стало быть, заведомо содержит героический образ последнего хорезмшаха. В связи с этим отсутствие в нем ясных указаний на происхождение его матери могло иметь только одно логичное объяснение: племенное происхождение Теркен-хатун и Ай-Чичек было одинаковым, поэтому персидский историк умалчивает об этом. Выстраиваемая им картина теряет свое значение, если положительные и отрицательные герои оказываются на поверку гораздо ближе друг к другу, а межплеменной конфликт становится внутриплеменным или же вообще внутрисемейным конфликтом. Согласимся с тем, что для ан-Насави гибель Хорезмийского государства является катастрофой, в которой он винит, прежде всего, кочевые тюркские племена [8, с. 193]. «...Государи этого дома (Хорезмшахов. – *Прим. пер.*) совершили ошибку, взяв в помощь тюрок против такого же племени из числа многобожников⁴. Ведь кто сражается без непоколебимой веры и твердой убежденности, не надеется на воздаяние и не боится [адских. – *Прим.*

⁴ Совершенно очевидно, что в данном случае ан-Насави грешит против истины, поскольку большая часть тюрок на хорезмийской службе принимали ислам – *Прим. авт.*

пер.] мучений, не гарантирован от слабости при нужде и от того, чтобы следовать своим желаниям в любое время и ежечасно» [7, с. 126]. Однако жанровая особенность текста вынуждает автора вывести из-под критики своего главного героя, Джалал ад-Дина Манкбурны, что он и делает, не предоставляя практически никаких сведений о его матери, Ай-Чичек. Даже в своем описании личности последнего хорезмшаха, ан-Насави старается противопоставить тюркскому происхождению своего героя владение персидским языком, а описание его личных качеств занимает явно больше объема. «Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи и по выражениям, но говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то, чтобы сказать о ней, достаточно упомянутых мной его битв. Это был лев среди львов и самый отважный среди своих смельчаков-всадников. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался и не был многословен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой он встретился, возоблададо, [изменив его нрав]. Он любил облегчать жизнь подданных, но правил во время упадка и поэтому прибегал к насилию» [7, с. 296–297]. При этом ничто не мешает автору указать племя, к которому принадлежала сама Теркен-хатун – так отрицательный персонаж обретает важную часть биографии, а исследователи – повод для дискуссий относительно того, кто из историков прошлого верно указал это самое племя с учетом сведений Джузджани и Джувейни.

Сама по себе сложившаяся историографическая традиция и дискуссия вокруг Теркен-хатун, частью которой является и упомянутая работа А.А. Порсина, вполне может быть разрешена в условиях признания того, что наименование кыпчак в этот исторический период становится уже не названием конкретной племенной группировки, а приобретает значение некоего объединяющего термина, некоей надплеменной структуры. Она охватывала племена, входившие в состав данного политического объединения и при этом сохранявшие свои собственные названия, что и создавало ту путаницу, которую фиксировали арабо-персидские историки, мало осведомленные и о взаимосвязях составных частей этой надплеменной структуры, и соотношении известных им наименований. Это делает дискуссию о том, кто прав – ан-Насави, Джузджани или Джувейни, абсолютно бессмысленной, поскольку двое из них в силу разной информированности указали на связь Теркен-хатун с конкретным племенем, входившим в состав тех самых «кыпчаков», а Джузджани, не зная подобных деталей, лишь определил ее связь с этой надплеменной структурой. Упомянутый конфликт, о котором пишут исследователи, начиная с В.В. Бартольда, был, по-видимому, не межплеменным, а внутриплеменным противостоянием, а если быть совсем точным – сконструированное, по большей части историками, объединение «кыпчаков» было раздираемо противоречиями, причины которых могли лежать вообще вне плоскости племенных структур и носить абсолютно произвольный характер, что объясняет отсутствие упоминания о его причинах в исторических источниках. Это же подтверждает и отсутствие упоминания о происхождении Ай-Чичек, которая, как и ее сын, были другим полюсом конфликта, и чье племенное происхождение, если бы противостояние было межплеменным, обязательно было бы обозначено. Как уже говорилось выше, сами же историки XIII века и их продолжатели, по всей видимости, не до конца понимали реальную ситуацию

в степи и соотносили между собой понятие кыпчаки и названия конкретных племен, что порождало путаницу и противоречия в их текстах. Однако в случае с Теркен-хатун это стало еще и причиной многолетних дискуссий и попыток реконструкции племенного состава участников конфликта, в то время как сама проблема лежала в совершенно иной плоскости. Этот вопрос о соотношении различных племенных названий, который еще П. Пельо назвал «une des questions les plus obscures de l'histoire de l'Asie Centrale» [16, p. 96], не может быть разрешен путем простых умозаключений (см. теперь: [11, с. 97–104]), как это было сделано в рассматриваемом нами исследовании.

Отдельного внимания заслуживает история с именем Теркен, в котором автор видит антропоним, характерный для «правлящей династии Хорезмийского султаната» [8, с. 198–199]. При этом указания на работы других исследователей, где данный антропоним выделяется у иных кочевых народов, совершенно не подталкивает А.А. Порсина к тому, чтобы признать, что перед нами общий для тюркских кочевых (и не только кочевых) племен антропоним, фиксируемый арабо-персидскими историками в разное время и применительно к разным кочевым объединениям или тюркским государствам, как это было с Караханидами и Сельджуками (см. теперь: [10, с. 252–253, приведена литература]).

Вообще для автора представленной работы в целом очень характерен такой метод. Пересказывая содержание того или иного фрагмента источника, он задается наводящими вопросами, отражающими стремление объяснить зафиксированный в исследуемом тексте ход событий и понять мотивацию действий исторических персонажей. Автор начинает домысливать логически, исходя из собственных соображений касательно возможности и целесообразности тех или иных действий, предлагая, в том числе, и определенные допущения (ср. частоту употребления в работе слов «допустить», «предположить»), стремясь таким путем реконструировать ход и взаимосвязь событий в стройную картину. Далее выясняется, что созданная им таким путем реконструкция не получила отражения в тексте источника, или получила, но, в целом, неполное. Выход из сложившейся ситуации обнаруживается следующим образом. Проблема находится автором во внешних факторах, оказывавших влияние на фильтрацию информации, отраженную в источнике. Далее начинаются новые, основанные на логике изыскания, направленные на поиск ответа на вопрос: почему автор исторического сочинения не отразил в своем тексте именно такую картину, которую так замечательно и логично построил автор монографии? Факты, которые как-то противоречат его построениям, он обходит вниманием или признает их несущественными, как и вопросы, которые в науке являются дискуссионными.

В качестве примера можно привести следующий пассаж: «Проходили ли курултаи, на которых избирали хана в Улусе Джучи? У нас нет оснований считать, что институт курултая остался в прошлом вместе с единой империей. Это положение позволяет совершенно по-другому посмотреть на сообщения информатора, касающиеся свержения Тулабуги и “казни эмиров”, без него кажущиеся совершенно нелогичными» [8, с. 40].

Почему их нет? Вопрос даже не в этом. Важно иметь понимание, что эти курултаи из себя представляли – был ли это какой-то реально действующий совещательный орган или же это было просто символическое собрание, при-

званное придать легитимность тому или иному ханскому решению, и, – что немаловажно, – кто входил в это собрание? В таких случаях следует если не самому разобраться, то, по крайней мере, привести мнения исследователей, кто этим вопросом специально занимался (см., напр.: [9; 17]), и, следовательно, по крайней мере, сослаться на них, переложив с себя, таким образом, ответственность за какие-то выводы.

Все подобные приемы, которые мы наблюдаем в работе, гораздо более характерны для журналистских расследований и популярного жанра, поскольку призваны предложить оригинальные ответы на вопросы, для которых однозначных ответов не предполагается в принципе, хотя их, например, активно применял такой одиозный автор, как Л.Н. Гумилев, благодаря чему среди прочего и завоевавший популярность среди широких масс неподготовленного читателя. Однако исследователь, изучающий прошлое, объективно ограничен имеющейся в его распоряжении источниковой базой и в своих реконструкциях обязан руководствоваться именно содержащимися в них данными, подходя к ним критически, используя научные критерии. Это не исключает возможности выдвижения гипотез, если они имеют строгое обоснование. Преимущества той или иной гипотезы определяются как раз степенью выверенности лежащих в ее основе аргументов. При этом вопросу, на который она призвана ответить, зачастую навсегда суждено остаться открытым. Источник должен превалировать над умозаключениями автора, если он стремится приблизиться к исторической истине, оставаясь в научных рамках. Иное дело – если автор руководствуется целью просто сказать что-то новое и оригинальное. Разумеется, такая мотивация обуславливает специфическое отношение к источникам. Это печально, когда исследователь в погоне за новой гипотезой и оригинальностью пренебрегает в своей аргументации, – сознательно, по невнимательности или недостатку подготовки, – базовыми критериями критики.

Оставляя суждения А.А. Порсина по поводу конкретных сюжетов, касающихся истории Золотой Орды, специалистам, нам приходится признать, что те части работы, где рецензенты могут считать себя компетентными, не оставляют впечатления о прочитанном, как о серьезном научном исследовании, вносящем какой-либо вклад в историографию. Работа не является источниковедческой, как это, казалось бы, вытекает из названия и постановки цели, поскольку никакой настоящей работы с источниками автор не провел. Однако ее сложно охарактеризовать как исследование, поскольку автор больше сосредоточен на конструировании собственной концепции, чем на действительном изучении фактического материала, при этом многие его построения, сделанные в отрыве от непосредственного источника или в условиях неполноты привлеченной базы, умозрительны и поэтому легко рассеиваются при обращении к источниковому материалу.

Автор книги выразил надежду, что его выводы, «пусть даже и ошибочные, помогут сформировать проблемное поле, облегчив тем самым дальнейшие исследования» [8, с. 11]. Между тем, приходится признать, что «проблемное поле», которое автор стремился сформировать, в сущности, было искусственно создано им же самим – он потратил время и силы на реконструкцию (а, по сути, «сочинительство») истории «загадочной аристократической группы, имена представителей которой начинаются на “бай”», которой никогда не существо-

вало, «доказал» наличие «межплеменного противостояния» в Хорезме [8, с. 194], которое на поверку оказалось также не более, чем фикцией и т.д. Таким образом, получившаяся работа способна лишь запутать неподготовленного читателя, и, даже на основе тех разделов, которые были рассмотрены авторами этой рецензии, можно предполагать, что она едва ли будет способствовать продвижению вперед изучения вопросов истории Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
2. *Бартольд В.В.* Ответ Г.Е. Грумм-Гржимайло // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 329–341.
3. *Бартольд В.В.* [Рец. на] Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 266–279.
4. *Бартольд В.В.* [Рец. на] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896 // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 238–252.
5. *Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М.: Наука, 1986. 248 с.
6. *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира / пер. с англ. Харитонова Е.Е. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.
7. *ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., коммент., примеч. и указатели Буниятова З.М. Баку: Элм, 1973. 450 с.
8. *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра». Серия «История и культура Золотой Орды и татарских ханств». Вып. 22. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
9. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. Вып. 4. С. 113–117.
10. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Очерки истории Хорезма и восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. М.: ИВ РАН. 2018. 380 с.
11. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* [Рец. на] Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кыпчаков [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Астана, Гылым, 2015. 248 с. // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 210–218.
12. *Тишин В.В.* Некоторые вопросы методики изучения социальной организации кочевников евразийских степей на примере племенного подразделения байат // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: мат-лы рос. науч. конф. с межд. участием. Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2016. С. 283–288.
13. *Bese L.* Some Turkic personal names in the Secret History of the Mongols // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. Т. XXXII. Fasc. 1–2. P. 353–369.
14. *Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991 (Turcologica. Bd. 7). xiv + 874 p.
15. *Golden P.B.* Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian Nomadic clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986 [1988]. Т. VI. P. 5–29.

16. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: Pelliot P. et Hambis L. T. I. Leiden: E.J. Brill, 1951. xxvii + 485 p.
17. *Hodous F.* The Quriltai as a legal institution in the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal*. 2012/2013. Vol. 56. P. 87–102.
18. *Juvayni 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik.* The History of the World-conqueror / Trans. by Boyle J.A. Manchester: University press, 1959. Vol. I–II. xiv + 763 p.
19. *Köprülü M.F.* Türk Etnolojisiine Ait Tarihi Notlar: Uran Kabîlesi // *Belleten*. 1943. Cilt VII. Sayı 26. P. 227–243.
20. *Kovács S.* The Franciscans and Yaylaq Khatun // *Acta Orientalia Vilnensia*. 2016. Vol. 13. P. 45–59.
21. *an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary.* Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali / Trans. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945. 354 s.
22. *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarorság kialakulása. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 o.
23. *ün-Nesevi Ahmed Şehabeddin.* Celalüttin Harezemşah [K] / Mütercimi: Necip Asim [Yazıksız]. İstanbul, 1934. 158 s.
24. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir). Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949 (Œuvres posthumes de Paul Pelliot; II). 292 p.
25. *Poppe N.* Grammar of written Mongolia. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954 (Porta linguarum orientaliū. Neue Serie, I). xii + 195 p.
26. Rashīd al-Dīn Fazl-āllah Hamedānī. *Jāmī al-Tawārīkh*. Roshan M. and Mousavi M. (eds). Tehrān: Nashr ālbarz, 1373, vol. 1. 776 p. (In Persian)
27. *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). xxxv + 841 s.
28. *Rybatzki V.* From animal to name, remarks on the semantics of Middle Mongolian personal names // *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen pähans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2012 (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia = Mémoires de la Société finno-ougrienne; 264). P. 333–338.
29. *Ṭabakāt-i-Nāşirī:* A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by Raverty H.G. Vol. I. London: Gilbert and Rivington, 1881. xlix + 518 p.

Сведения об авторах: Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 20.01.2020 Принята к публикации 8.06.2020
Опубликована 29.06.2020

REFERENCES

1. Ahinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazahstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 1995. 296 p. (In Russian)
2. Barthold V.V. Otvet G.Ye. Grumm-Grzhimaylo [Reply to G.Ye. Grumm-Grzhimaylo]. Idem. *Sochineniya: v 9 t., T. V: Raboty po istorii i filologii tyurkskih i mongol'skih narodov* [Collection of Works: In 9 Vols., Vol. 5: Works on History and Philology of Turkic and Mongolian Peoples]. Moscow: "Science", 1968. pp. 329–341. (In Russian)
3. Barthold V.V. [Rets. na] N.A. Aristov, Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskih plemen i narodnosti i svedeniya ob ih chislennosti [Review of N.A. Aristov, Notes on the Ethnic Composition of Turkic Tribes and Nations, and Data on Their Population Size]. Idem. *Sochineniya: v 9 t., T. V: Raboty po istorii i filologii tyurkskih i mongol'skih narodov* [Collection of Works: In 9 Vols., Vol. 5: Works on History and Philology of Turkic and Mongolian Peoples]. Moscow: "Science", 1968, pp. 266–279. (In Russian)
4. Barthold V.V. [Review of] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896. Idem. *Sochineniya: v 9 t., T. V: Raboty po istorii i filologii tyurkskih i mongol'skih narodov* [Collection of Works: In 9 Vols., Vol. 5: Works on History and Philology of Turkic and Mongolian Peoples]. Moscow: "Science", 1968, pp. 238–252. (In Russian)
5. Bunyatov Z.M. *Gosudarstvo Khorezmshakhov-Anushteginidov 1097–1231 g.* [History of the Khwarazmian State under the Anushteginids, 1097–1231]. Moscow: "Science", 1986. 248 p. (In Russian)
6. Juwayni. *Chingiz-han. Istoriya zavoevatel'ya mira* [Chinggis Khan. History of the World-Conqueror]. Kharitonova E.E. (tr.). Moscow: "Magister Press", 2004. 690 p. (In Russian)
7. an-Nasavi Shihab ad-Din Muhammad. *Zhizneopisaniye sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny* [Biography of Jalal al-Din Mangburni Sultan]. Bunyatov Z.M. (tr.). Baku: "Elm", 1973. 450 p. (In Russian)
8. Porsin A.A. *Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri "Zubdat al-Fikra"* [History of the Golden Horde of the end of the thirteenth and the beginning of the fourteenth century in the "Zubdat al-Fikra" by Rukn al-Din Beibars al-Mansuri]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)
9. Pochekaev R.Yu. Evoliutsiya kurultaya v pozdnesrednevekovykh tyurko-mongol'skih gosudarstvakh [An evolution of the Qurultay in Late-Medieval Turco-Mongol States]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turco-Tatar States]. 2012, vol. 4, pp. 113–117. (In Russian)
10. Timokhin D.M. and Tishin V.V. *Ocherki istorii Horezma i vostochnogo Desht-i Kypchaka v XI – nachale XIII vv.* [Essays of a History of Khwarazm and Desht-i- Kipchak from the ninth to the beginning of the thirteenth century]. Moscow: Institute of Oriental Studies Press, 2018. 380 p. (In Russian)
11. Timokhin D.M. and Tishin V.V. [Rets. na] Pilipchuk Ya.V., Sabitov Zh.M. Ocherki etnopoliticheskoy istorii kypchakov. Astana, Gylym, 2015, 248 s. [Review of Pilipchuk Ya.V. and Sabitov Zh.M. Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks. Astana, Gylym, 2015. 248 p.]. *Vostok=Oriens*, 2017, no. 6, pp. 210–218. (In Russian)
12. Tishin V.V. Nekotorye voprosy metodiki izucheniya sotsial'noy organizatsii kochevnikov evraziyskikh stepey na primere plemennogo podrazdeleniya bayat [Some methodological issues of studying the social organization of the nomads of the Eurasian steppes on the example of the Bayat tribal group]. *Kochevye narody Yuga Rossii: istoricheskii opyt i sovremennost': mat-ly ross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem* [Nomadic Peoples of Southern Russia: Historical Experience and Modernity: Proceedings of the Russian Research Conference with International Participation]. Elista: "Dzhangar", 2016, pp. 283–288. (In Russian)

13. Bese L. Some Turkic personal names in the Secret History of the Mongols. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1978, vol. 32, fasc. 1–2, pp. 353–369.
14. Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. xiv + 874 p.
15. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian Nomadic clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988], vol. 6, pp. 5–29.
16. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou*. Pelliot P. et Hambis L. (tr.). Leiden: E.J. Brill, 1951, vol. I. xxvii + 485 p. (In French)
17. Hodous F. The Quriltai as a legal institution in the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal*. 2012/2013, vol. 56, pp. 87–102.
18. Juvayni 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik. The History of the World-conqueror. 2 Vols. Boyle J.A. (tr.). Manchester: University Press, 1959. xiv + 763 p.
19. Köprülü M.F. Türk Etnolojisine Ait Tarihi Notlar: Uran Kabîlesi [Historical notes on Turkic ethnology: The Uran tribe]. *Bellesten*. 1943, vol. 7, pt. 26, pp. 227–243. (In Turkish)
20. Kovács S. The Franciscans and Yaylaq Khatun. *Acta Orientalia Vilnensia*. 2016, vol. 13, pp. 45–59.
21. an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali*. Mohammad Ali Naseh (ed.). Tehran, 1945. 354 p. (In Persian)
22. Németh Gy. *A honfoglaló Magyarság kialakulása* [The Formation of the Conquering Hungarians]. Second edition. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 p. (In Hungarian)
23. ün-Nesevi Ahmed Şehabeddin. *Celalüttin Harezemşah* [Khwarazmshah Jalal al-Din]. Necip Asim [Yazıksız] (tr.). İstanbul, 1934. 158 p. (In Turkish)
24. Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. 292 p. (In French)
25. Poppe N. *Grammar of Written Mongolia*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. xii + 195 p.
26. Rashīd al-Dīn Fazl-āllah Hamedānī. *Jāmī al-Tawārīkh*. Roshan M. and Mousavi M. (eds). Tehrān: Nashr ālbarz, 1373, vol. 1. 776 p. (In Persian)
27. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv + 841 p. (In German)
28. Rybatzki V. From animal to name, remarks on the semantics of Middle Mongolian personal names. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2012, pp. 333–338.
29. *Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Raverty H.G. (tr.). London: Gilbert and Rivington, 1881, vol. I. xlix + 518 p.

About the authors: Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

Received January 20, 2020 Accepted for publication June 8, 2020
Published June 29, 2020